

Я бы совѣтовать М. Г. Савиной сняться въ этой роли. Необходимо увѣковѣчить это новое созданіе ея таланта хотя на фотографіи, если только не найдется художника.

Во второмъ дѣйствіи, въ сценѣ съ Ракитинымъ, она сидитъ какъ картина въ рамкѣ зеленого сада, на полукруглой скамейкѣ, чертя что-то на землѣ старомоднымъ зеленымъ зонтикомъ. Ракитинъ стоитъ передъ нею въ полуоборотѣ, какъ Онѣгичъ передъ Татьяной. Да это дѣйствительно и есть Татьяна. Недаромъ сама Наталья Петровна какъ-то сравниваетъ себя съ нею. Она замужемъ за безвѣстнымъ незначительнымъ человекомъ и на всѣ признанія влюбленнаго въ нея Ракитина можетъ отвѣтить: «Но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». Это старыя понятія, старыя слова. Но и весь образъ Натальи Петровны есть теперь общественное преданіе. Она цѣликомъ принадлежитъ къ тому «выморочному сословію» старыхъ дворянъ, которые дѣйствуютъ въ произведеніяхъ Тургенева. Отжившій типъ, ожившій цвѣтъ. У нея и психологія маргаритки, любимаго цвѣтка современнаго ей сентиментализма. Въ прошломъ у нея вѣроятно было немного, въ настоящемъ мало и въ будущемъ ничего. Между тѣмъ Наталья Петровна въ изображаемый моментъ переживаетъ настоящую драму женщины, моментъ, когда женщины стрѣляются. Она уже достигла того опаснаго возраста, когда измѣна, какъ проявленіе самостоятельности, является неизбежной. И она не измѣняетъ только потому, что Вѣляевъ увѣживаетъ. Это драма жизненная и вмѣстѣ съ тѣмъ истинная драма, восходящая въ своей градаціи до мученій Федры. Только вмѣсто классическихъ воплей здѣсь показано стыдливое страданіе, облагороженное, быть можетъ, тѣмъ же сентиментализмомъ. Признаніе у нея вырывается крикомъ: «я люблю», но это простая случайность, которую Наталья Петровна немедленно старается замаскировать притворствомъ. И въ этомъ притворствѣ ея героизмъ. Вся натура содрагается отъ желаній любви, руки сами собой тянутся на встрѣчу къ счастью, а она передѣлываетъ все это въ шуточный порывъ, въ простую неосторожность. Особаго смысла не имѣетъ ея натура. Наталья Петровна не есть какой либо сложный индивидуумъ, характеръ. Это, повторяю, женщина своей эпохи, своего воспитанія и вкуса.

Она ожила въ Савиной, эта дама изъ семейнаго дворянскаго альбома. Въ томъ же альбомѣ имѣются и Ракитинъ, и Вѣляевъ, и Вѣрочка. Тонкія, пожелтѣвшія карточки хранятъ ихъ изображенія. Наталья Петровна изображена во всѣхъ позахъ и видахъ: съ зонтикомъ и безъ зонтика, въ наколкѣ, въ лѣтнемъ платьѣ и въ платьѣ шерстяномъ. У нея тонкая, сухая рука, облокотившаяся то на клавишины, то на балюстраду, то на столпъ, покрытый вязаной салфеткой. И все это было воспроизведено артисткой съ поразительнымъ сходствомъ. Говорятъ, что стиль въ ея изображеніи даже превышалъ драматическое положеніе. Но вѣдь и у настоящихъ Наталій Петровнъ стиль переспливалъ все остальное. Стиль былъ для нихъ и онѣ были для стиля.

Я говорю, что необходимо увѣковѣчить какъ-нибудь такое созданіе таланта. Увы, все проходитъ. Послѣ г-жи Савиной едва

ли найдется артистка, которая сумѣетъ сыграть эту роль съ той типической вѣрностью, согласно эпохѣ и ея вѣяніямъ, какія мы только-что видѣли. Г-жа Савина наблюдала такихъ дамъ, ея память хранить не только подобныхъ Натальѣ Петровнѣ, но и самое Наталью Петровну, показавшую ей на фотографіи Тургеневымъ. И своимъ талантомъ она вдохнула жизнь въ эти воспоминанія и воскресила забытый образъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и другая актриса, хотя бы и не уступающая талантомъ г-жѣ Савиной, не сумѣетъ сдѣлать этого и представить все въ чуждомъ тонѣ. И нельзя будетъ вывить за это актрису. Она вѣдь человекъ другого времени, съ другими понятіями и вкусами. Примѣръ: г-жа Селиванова—Вѣрочка. И эту роль играла когда-то г-жа Савина и играла съ тѣмъ же совершеннымъ перевоплощеніемъ, которое мы видимъ теперь въ Натальѣ Петровнѣ. Г-жа Селиванова не видала Вѣрочки въ жизни и не могла сжиться съ ея непосредственностью. Было милое ребячество, но когда на смѣну ему наступило рѣшительное объясненіе, артистка вдругъ развела такую неврастенію, какая бы подстать развѣ только Натальѣ Петровнѣ. И все-таки «не ея въ томъ вина». Это уже наше неврастеническое время удалило ее отъ Вѣрочки и выростило до Натальи Петровны.

Интересно мнѣніе генералъ-адъютанта Драгомирова, напечатанное въ «Развѣдчикѣ». Онъ пишетъ, какъ исчезъ «типъ» въ нашей литературѣ. Послѣ Тургенева, Достоевскаго, Толстого и изображаемаго ими крѣпостнаго режима настало безвременное, переходное состояніе, не давшее еще вполне выраженаго типа. «Купецъ сталъ не тотъ, не тотъ и крестьянинъ, а обѣ интеллигентъ и говорить нечего. Но кого ни возьмете—опредѣленнаго типа не отыщете, значить съ кого же писать? Вѣдь даже у старыхъ большихъ мастеровъ можно замѣтить, что, когда они пытались изображать людей послѣ-реформенныхъ, это имъ не удавалось: укажемъ хоть на «Вѣсовъ» Достоевскаго, на героевъ «Нови» Тургенева, на князя Нехлюдова въ «Воскресеніи» Толстого. Конечно это не живые люди, по крайней мѣрѣ таково мое, можетъ быть ошибочное, но искреннее мнѣніе. И потому думаю, что когда у насъ новый типъ сложится, тогда появятся и большіе писатели. Но судя по времени, котораго потребовалъ ростъ и расцвѣтъ крѣпостнаго режима, нужно думать, что Россія этого дождется развѣ поколѣній черезъ 8—10. Бейль, если не ошибаюсь, еще въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія сказалъ, что ни одинъ органическій законъ равнѣ 150 лѣтъ въ нравы народа не вступаетъ. Судя по нашему примѣру, нужно думать, что это проходить не равнѣ 250 лѣтъ».

Печально. Съ такими вычисленіями пожалуй далеко не уйдешь. Мы-то здѣсь жалуемся на литературный неурожай и воздвигаемъ временныхъ божковъ, было бы лишь кому поклоняться, а насъ просятъ успокоиться и обнадеживаютъ 20-лѣтней перспективой. Не надо было тревожить старика Бейля, жившаго въ то время, когда жизнь ѣздила на мальпостахъ. Теперь идеи летятъ на «экспресахъ», и не только режимы, но и вѣка считаются десятилѣтіями. Генералъ Драгомировъ однако безусловно правъ, что «типъ» исчезъ въ русской литературѣ. Онъ исчезъ и въ театрѣ, какъ выразитель литературы, скажу я. Актеры играютъ примѣнительно къ понятіямъ времени, къ «настроеніямъ» момента, мало заботясь о типичности своего созданія. Укажу артистку, знаменующую собою, по моему мнѣнію, наше время. Я говорю о г-жѣ Комисаржевской. Она при всемъ ея выдающемся талантѣ также мало заботится о типическомъ перевоплощеніи въ роль, показываетъ только самое себя и въ своихъ созданіяхъ даетъ только рядъ вдохновенныхъ импровизаций. И, подобно современникамъ своимъ, она не повинна въ этомъ.

Все это говорится только къ слову, по поводу одной только роли. Г-жа Савина въ Натальѣ Петровнѣ настраиваетъ меня на подобныя мысли. Надо самому видѣть ее въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», чтобы понять, что такое истинное перевоплощеніе. На сцену сошло вдохновеніе въ образѣ милой, сентиментальной барыни, со всѣмъ очарованіемъ тургеневской женщины,—и воображеніе заработало сильнѣе... Бываютъ сны, когда видишь чье-то знакомое лицо, и когда проснешься, стараешься припомнить, видѣлъ ли его въ жизни, и гдѣ, и когда... Одно именованіе—и образъ улечучивается...

Новое время. Сентябрь. 1903г. Зекет